

Онлайн-сообщества московского ретро: подход экологии памяти

Дарья Сергеевна Рудь^[1]

ORCID: 0000-0003-3205-1016

✉ daria.rud.moscow@gmail.com

^[1] Независимый исследователь, Загреб, Хорватия

Для цитирования статьи:

Рудь, Д. С. (2023). Онлайн-сообщества московского ретро: подход экологии памяти. *Фольклор и антропология города*, V(1), 147–177. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-147-177

Этнографически рассматриваются онлайн-сообщества, посвященные Москве. Цель исследования — описать вариативность стратегий представления и потребления городской памяти и проанализировать ее медиасреду. Две группы Facebook^{*1} сопоставлены друг с другом, а также с ориентированной на ретро-образы платформой — Pastvu.com.

Показаны возможности применения концепций эмоциональной работы и динамики цифрового энтузиазма. Результаты эмпирического анализа показывают различные паттерны и направления эмоциональной работы и цифрового энтузиазма в двух Facebook-группах*. Платформа Pastvu.com представляет «другой вид» в медийной экологии, знакомство рассмотренных Facebook-групп* с которым практически неизбежно, но постоянная близость нежелательна. Не имея аналогов, Pastvu.com представляет технологическую инновацию в области экологии памяти.

Ключевые слова: медийная экология, экология памяти, неоплемена, цифровой энтузиазм, эмоциональная работа

¹ Здесь и далее звездочкой* отмечено упоминание социальных сетей, принадлежащих компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией.

Online communities of Moscow retro: Memory ecology approach

Daria S. Rud ^[1]

ORCID: 0000-0003-3205-1016

✉ daria.rud.moscow@gmail.com

^[1] Independent researcher, Zagreb, Croatia

To cite this article:

Rud, D. (2023). Online communities of Moscow retro: Memory ecology approach. *Urban Folklore & Anthropology*, V(1), 147–177. DOI: 10.22394/2658-3895-2023-6-1-147-177 (In Russian).

In this study, online communities dedicated to Moscow are ethnographically examined. The aim is to describe the strategies of representation and consumption of urban memory, as well as to analyze the media environment. Two Facebook* groups are compared with each other and with a retro image-oriented platform — Pastvu.com.

The concepts of emotional work and digital enthusiasm are shown to be applicable to the comparison of online groups. The results of the empirical analysis show different patterns and directions of emotional work and digital enthusiasm in the two Facebook* groups. The Pastvu.com platform represents a “different species” in the media ecology. Although Facebook* groups are inevitably familiar with Pastvu.com, their permanent proximity is undesirable. Pastvu.com has no equivalents and represents a technological innovation in the field of memory ecology.

Keywords: media ecology, ecology of memory, neo-tribes, digital enthusiasm, emotional work

Введение

Шаткость концепции коллективной памяти как единой, правдиво отражающей прошлое и довлеющей над человеком показана многими исследователями, например, [Олик 2012; Hajek и др. 2016; Hoskins 2011]. Идея ставшего классическим Мемориала жертвам Холокоста в Берлине — представлять память буквально в «человеческом масштабе». Части монумента сопоставимы с человеческим ростом; член городской комиссии по проекту заявляет, что отношения посетителя с памятью происходят на равных, — люди становятся частью мемориала, двигаясь между плитами, — и выражает надежду на то, что посетители не будут раздавлены ни мемориальной обязанностью, ни формой памяти, а смогут «встретиться с памятью лицом к лицу, вспоминая вместе с другими или в одиночестве» [Young 2016]. Интернет, в том числе социальные сети, также может быть представлен как площадка для совместного конструирования мемориалов и встречи посетителей с образами прошлого города на равных. Онлайн-сообщества, посвященные различным аспектам и образам

прошлого, транслируют мемориальные образы в сообщениях, дополнительные сюжеты разворачиваются в комментариях.

Город характеризуется «плотными сетями взаимодействия», ведущими к «интенсивным социальным эффектам» [Амин, Трифт 2017]. Один из эффектов — распространение ретропических настроений [Бауман 2019] — концентрированного внимания, направленного на прошлое. Ретротопия видится в качестве одной из средовых реакций на гиперстимулированную городскую жизнь. Это ностальгия, рождающаяся из представлений о принципиальной неустойчивости поддерживаемого (в данный момент в городе) порядка. Ретротопия направлена не на полную реконструкцию, а на некоторый системно сдвинутый ([Деррида по Бауман 2019]) образ прошлого. Медiasреда (mediascapes) [Appadurai 1996], в том числе включающая онлайн-сообщества, участвует в формировании системных сдвигов образов прошлого. Можно также сказать, что mediasреда связана с процессом производства пространства [Лефевр 2017], где последнее представлено как продукт социальных отношений, в том числе обусловленный языком и способами описания.

Деятельность в ориентированных на ретро онлайн-сообществах — воображение, которое не является «уже просто фантазией (опиумом для народа, реальная жизнь которого протекает в другом месте), просто бегством (от мира, определенного в основных чертах более конкретными целями и структурами) и просто созерцанием (нерелевантным новым формам желания и субъективности)», а стало «организованным полем социальных практик, формой работы (как в смысле труда, так и в смысле культурно организованной практики)» [Appadurai 1996, цит. по Амин, Трифт 2017: 135].

Монумент в городском пространстве относительно постоянен, в то время как контент онлайн-сообществ постоянно меняется. Можно ли говорить о том, что в рамках одной онлайн-группы образ консистентен? Как работа воображения в онлайн-группе формирует образы прошлого, как именно организовано данное поле социальных практик? Какие паттерны можно выделить в конгломерате онлайн-сообществ, подписчиков, комментариев, репостов, реакций на посты? В данном исследовании предлагается проследить варианты и особенности системных сдвигов идеи московского прошлого через изоморфизм онлайн-сообществ и работу воображения в них.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

С одной стороны, вопрос о представлении городского прошлого может быть решен в рамках подходов, относящихся к исследованиям медиа, где основной объект наблюдения — носители (медиумы) нарративов. Это соответствует позиции исследователя социальной памяти Джеффри Олика, не относящего память «ни к зависимым, ни

к независимым явлениям, определяемым или определяющим явлениям» [Олик 2012: 46]. Ключевое в концепции Олика — медиа, или медиумы: «Медиумы памяти не второстепенны, они определяют сообщение. Эти средства передачи — текущие формы, неотделяемые и меняющиеся вместе с сообщением, которое они содержат» [Там же: 53]. От типа носителя зависят критерии валидности сообщения. Например, валидность по аутентичности задается такими мнемоническими медиа, как места памяти (руины, исторические места, фотографии и видео), валидность по аффекту — политическими фестивалями и годовщинами, правдивость преследуют такие носители, как историография, документы и устная история, по критерию «справедливость» оценивают такие мнемонические носители, как наказание, амнистия, репарация. В исследовании мнемонических сообщений о прошлом окрестностей улицы Шаболовка в социальных сетях я использовала данную методологию для классификации сообщений [Рудь 2019]. Однако сами онлайн-площадки — сообщества, группы — в анализе не участвовали, и мне хотелось бы сделать их основным объектом исследования в данной работе. Рассмотрим понятийный аппарат² и соответствующие исследовательские вопросы.

Медийная экология

Значительный корпус работ в сфере исследований медиа посвящен природе и значению медийной экологии (экологии медиа). Экология предполагает анализ среды — ее структуры, содержания, внутренних взаимосвязей. Нил Постман, которого можно считать основателем подхода, предполагал, что современную «грамотность» можно определять как компетентность в медиа (*mediatic competency*), и школьный курс родного языка можно заменить на обучение медийной экологии, где рассматривается взаимодействие между людьми и их коммуникативными технологиями, а медиа видится как окружающая среда. В 2000-е годы «метеорит цифровизации упал в джунгли медиа» [Hoskins, O'Loughlin 2015], дестабилизируя накопленные взаимосвязи между медиа и аудиториями, вызывая к жизни исследования медиа версии 2.0 [Merrin 2014].

Технологии в экологическом подходе рассматриваются как формы органической жизни, существующие в сложных взаимоотношениях, поддерживающих баланс среды [Hajek et al. 2016]. Эндрю Хоскинс предлагает использовать термин «медийная экология», чтобы подчеркнуть значимость человеческих отношений с медиа, а также процессов, происходящих между медиа [Hoskins 2016: 10]. Для эмпирических исследований памяти в медиасреде Хоскинс выделяет, во-первых, «исходящее от медиа» воображение (как и по каким причинам данный носитель изображает мир определенного периода именно таким образом) и, во-вторых, образ медиа (как носители достигают видимости или, напротив, скрываются из процесса познания мира) у пользователя [Hoskins, Shchelin 2018].

² Благодарю Юрия Шубина за помощь в выборе подходов.

Экология памяти

Совместное существование городских объектов, их репрезентаций на различных коммуникационных площадках, авторов и читателей можно рассматривать в русле экологии памяти. Хоскинс, исходя из парадигмы гиперсвязности (*connective turn*) [Hoskins 2011] и постдефицитной культуры (*post-scarcity culture*) [Там же], предлагает термин «экология памяти», поскольку он отсылает комплексному видению множественных связей и функций памяти [Hoskins 2016]. Память отождествляется с носителями информации, находясь под определяющим влиянием медийной экологии, где «избыток, распространение информации и доступ к ней посредством социальных сетей, узлов и цифровых архивов по-новому устанавливают наши взаимоотношения с прошлым» [Ассман 2019; Hoskins 2011].

Экологический подход, очевидно, является вариантом ухода от неэффективных разграничений памяти на индивидуальную и культурную, публичную и частную и т. п. В медийной экологии прошлое «склеивается» заново в условиях изобилия, повсеместного присутствия и доступности коммуникационных сетей, узлов, содержания цифровых медиа. Процесс воспоминания понимается как колебание между «биологическими» системами и коммуникативными средствами; жизнь медиа — это и жизнь памяти. Моделирование экологических ситуаций (*ecological modeling*) необходимо для разъяснения целостных, динамичных и связанных маршрутов памяти [Hoskins 2011: 29].

Развивая тему исследовательского взгляда в медийной экологии, можно говорить о наблюдении за популяциями определенных тем, мест и пользователей (или сообществ) и их аудитории в социальных сетях, фиксации вариативности эволюционных стратегий. Преимущества экологического подхода состоит в постулате множественного позитивного развития [Радаев 2005] — каждый из образов прошлого имеет шансы на выживание, ареал обитания, симбиотические связи и угрожающие факторы.

Например, подход экологии памяти применяется в исследовании воспоминаний о лондонских взрывах 2005 года, посвященном формированию схем коммеморации и представления событий медиасреде, приданию им смысла [Brown, Hoskins 2010; Hoskins 2016]. В «спрессованном» настоящем времени, в обстановке повсеместного представления версий террора прошлого, смешанных с прогнозами ожидаемых и описанием текущих атак, изучение перспектив и ценности памяти о таких событиях и/или их забвения требует обновленного инструментария.

Отношения памяти и семиотической среды характеризуются как аутопоэтические, т. е. самовоспроизводимые и порождающиеся как продукт, но существующие без разделения на производителя и продукт. Браун и Хоскинс обращаются к концепции аутопоэзиса коммуникативных процессов Никласа Лумана [Luhmann 2000]. Луман применяет концепцию аутопоэзиса к «системе» массмедиа, Браун

и Хоскинс — к «сети», являющейся результатом развития цифровых медиа и коммуникаций [Brown, Hoskins 2010: 95].

Как и Луман, Браун и Хоскинс используют понятие «когнитивной схемы» психолога Фредерика Бартлетта: это «активная масса организованных прошлых реакций, с которыми сравнивается и соответствующе обрабатывается поступающая информация» [Там же: 92]. Бартлетт утверждал, что процесс памяти состоит в применении когнитивной схемы, т. е. представлении прошлого настоящему с тем, чтобы получить реактивированное «место рождения» сознания о прошлом. Ключевой исследовательский вопрос относительно памяти состоит не в ее содержании, а в возникающих способах организации опыта прошлого в меняющейся среде. Воспоминания должны пониматься и рассматриваться как процесс, непроизвольно формирующий и в то же время опирающийся на «натяжения» и изменения «семиотической среды», где события понимаются и становятся релевантными для определенного сообщества [Там же: 104].

Смена медиалогики оказывает влияние и на память. Динамика памяти о взрывах в Лондоне действует через частные воспоминания, коммеморативные ритуалы и события, культурные маркеры и непрерывную сеть средств, представляющих площадки для всех этих элементов. Экологию памяти формирует набор высказываний, появившийся по определенной аутопоэтической когнитивной схеме и выявленный в ходе исследования форм, потоков и итераций памяти в семиотической среде [Там же: 103].

Неоплемена [сообщества]

Память группы не может рассматриваться отдельно от медийной связности. Напротив, запоминание и забывание, происходящие вне субъекта, — условия связности сообщества [Hoskins 2017]. Стремление принадлежать сообществу рассматривается в «Ретротопии» Зигмунта Баумана. Для трайбализма характерно стремление к эпистемологическому разграничению между «своим» и «чужим» племенем. Поиск «вожделенной твердой почвы», обозначающей свое племя, в медиатизированном мире затруднен. Бауман приводит слова Умберто Эко 1983 года о радио- и телепередачах: «И кто в этой ситуации передает сообщение? Больше нет Авторитета, все сами по себе» и отмечает, что сейчас, учитывая силы социальных медиа, вопрос об адресанте еще сложнее. Легкость изменения границ группы в социальных медиа — новое, не характерное для «племен прошлого» явление. Речь, таким образом, идет о неоплеменах (neo-tribes). Это текущие общности на основе разделяемых в данный момент интересов, члены которых постоянно входят и выходят из них; зона направленного кратковременного внимания [Bauman 1992]. Используя термин «неоплемена», Бауман подчеркивает их роль в процессах замещения более устойчивых

ушедших сообществ [Crawford 2011], по которым «классически» тоскует горожанин [Беньямин, Зиммель по Амин, Трифт 2017: 44].

Анализ онлайн-сообществ этнографическими методами позволяет обращаться к социально-политической природе группы. Онлайн-сообщества, возникшие как спонтанно, так и сконструированные специально для выражения мнения «многих многим» и роста политической вовлеченности [Cragg 2010: 342–343], рассматриваются в качестве инструмента политики. Сегодня значительный корпус исследований посвящен использованию социальных сетей для привлечения сторонников к политическому действию, в том числе основанному на образах прошлого [Birkner, Donk 2020]. Согласно политологическим исследованиям медиа, распространение онлайн-сообществ ведет как к расширению возможностей демократии (если акцентировать внимание на многообразии и доступности площадок) для протеста и прений, так и к росту популистских настроений в связи с распространением харизматического господства [Gustafsson, Weinryb 2019].

Группы, в которых представлены и обсуждаются образы прошлого, связаны с политикой памяти, для которой характерно «принятое по умолчанию согласие на постоянную реконструкцию событий» [Бауман 2019: 67]. Такая характеристика происходящего в сообществе соответствует переходу от видения исторического наследия как определенного объекта к процессу «наследизации» (*heritageisation*), где смыслообразующими являются действия людей [Harvey 2001]. Онлайн-сообщество с ежедневным потоком сообщений представляет эмпирическую базу для анализа процессов наследизации в данном исследовании.

Энтузиазм

Бауман указывает на непримиримое различие в понимании «своего» наследия между племенами и исключение «других» из «нашего» как одну из базовых характеристик современного трайбализма. Конституирование того или иного понимания «стоящего» образа наследия происходит внутри сообщества. В значительной степени в эту работу вовлечены активные члены и администрация сообщества, когда публикуют и модерируют посты, выражают реакции, комментируют, публикуют правила группы.

Кроме модераторов, чувства в онлайн-сообществах могут регулироваться как другими акторами (активными участниками, авторами постов и т. п.), так и группой в целом: посты или ветки комментариев обретают популярность. В связи с эмоциональными и харизматическими эффектами работы сообщества некоторыми исследователями рассматривается понятие «цифровой энтузиазм». Паоло Гербаудо определяет моменты цифрового энтузиазма как фазы интенсивного позитивного настроения (в преддверии крупных протестов), в которых общение пользователей и администраторов группы принимает

форму восходящей спирали эмоциональной активации и результатом которых является резкий рост вовлеченности пользователей.

Гербаудо выделяет два ключевых фактора в цифровом энтузиазме. Во-первых, это эмоциональная работа, или труд [Hochschild 1979], администраторов сообщества по конструированию чувственного нарратива. Другие авторы также рассматривают работу модераторов сообществ как вид эмоциональной работы [Dosono, Semaan 2019]. Эмоциональная работа подразумевает действия для появления, подавления или модификации чувств в самом себе и в других [Симонова 2012]. Во-вторых, это восприимчивость и кооперация участников сообщества при участии в «эмоциональном заражении» [Gerbaudo 2016].

Цель и данные исследования

Вопрос, на который я хотела бы ответить в исследовании, касается вариативности и закономерностей в паттернах работы медийной среды по формированию популярных образов прошлого. Какие черты характеризуют сообщества как примеры неоплемен? В каких случаях наблюдается наиболее интенсивная эмоциональная работа и энтузиазм? Существуют ли между площадками различия в способах организации опыта прошлого? В чем специфика отношений между «видами» в медийной экологии московской памяти?

Для анализа выбраны онлайн-сообщества, служащие демонстрации и обсуждению образов прошлого города (urban [past] imagery) [Strauss 1968] Facebook-группы* «Москва — та!» и «Москва моя», а также сайт Pastvu.com (играет роль «контрольной группы»). Основным критерий отбора площадок — возможность представить свой материал о городе у любого участника сообщества (т. е. не «авторская» группа), а также многочисленность пользователей (30 тыс. и более), предполагающая больший резонанс публикаций.

Используются описания выбранных площадок в СМИ; в отобранных для анализа постах рассматриваются объекты на изображении или фотографии, сопутствующий текст и комментарии; фиксируется количество реакций, комментариев и репостов для анализа вовлеченности участников групп. Для двух Facebook-групп* для сравнительного описания выбраны, во-первых, наиболее популярные (по числу реакций) посты и, во-вторых, проанализированы посты потенциально политически окрашенные (смерть Сталина, одна и та же фотография в двух сообществах) и политически нейтральные (фотография Парковой улицы — жилого района Москвы).

Проведено 4 этнографических интервью [Ипатова 2018] с основателями и активными участниками сообществ (онлайн, в Facebook-мессенджере*). Вопросы гайда были составлены исходя из анализа с позиций медиаэкологии и эмоциональной работы и касались истории отношений информанта с площадкой, особенностей медиарутин и

медиапредпочтений в целом, работы по позиционированию группы, задач модерации и др.

Метод анализа публикаций ориентируется на критический дискурс-анализ Нормана Фэркло [Fairclough 1995]. Подход предполагает рассмотрение, помимо непосредственно текста (в том числе изображения), как дискурсивной практики (производство и потребление текста — например, учет автора и читателей, комментариев), так и описанной в тексте социальной практики (например, решения об обновлениях в городском пространстве и паттерны отношения к обновлению). Дискурс в контексте подхода понимается и как конституирующий социальные практики, и как конституируемый ими — репрезентирующий их [Фэркло 2009].

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ FACEBOOK-ГРУПП*

Общее описание

Обе группы многолюдны (Табл. 1) — в «Москва — та!» почти 30 тысяч участников, в «Москва моя» — более 50 тысяч. При этом в группе «Москва моя» публикуется почти в 5 раз больше постов, однако их резонанс значительно ниже — в среднем, по сравнению с «Москва — та!», в 10 раз меньше комментариев и в 2,5 раза меньше лайков.

Табл. 1. Основные параметры групп

Tbl. 1. Main group parameters

	«Москва — та!»	«Москва моя»
Создана	2012 год	2014 год
Участников	29 636	52 582
Постов в день ^{<?>}	21	98
Комментариев к посту	32	3
Лайков к посту, среднее арифметическое	151	65
Лайков к посту, медиана	129	31

«Москва — та!», хотя и обладает меньшим количеством участников, упоминается в довольно отдаленных медиаареалах — традиционных онлайн-СМИ. Так, основатель группы дал интервью порталу «Афиша Город» в 2015 году³, сообщество упомянуто в журнале SNC — Style. News. Comments⁴. Подобных упоминаний для «Москва моя» не обнаружено.

³ <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/entertainment/moskva-ta-gde-lyubovatsya-krasivymi-fotografiyami-goroda/>

⁴ <http://www.sncmedia.ru/stars/kak-izmenilas-moskva-pogovorili-s-annoy-barinovoy/>

Эмоциональная работа и энтузиазм

Коммуникация между администратором и участниками в группе «Москва — та!» отличается, по-видимому, интенсивной эмоциональной работой над авторским обращением: это не только правила, но и чувственное описание миссии группы, составленное журналистом-москвоведом Денисом Бычковым, автором проекта «Москва. Детали».

«Москва — та!» — это про Москву, которая нам нравится: маленькие улочки, дворы детства, тайные места, знаковые заведения, ретро-фотографии и видео. Про Москву, которая уходящая и настоящая; без кислотных панорам «красивых закатов над Сити» и турецких новоделов эпохи Лужкова и Собянина.

«Москва — та!» — это не только Москва, которая была и которую *все мы так сильно любили*. Это и современная Москва — дома, дворы и места — в которых, по-прежнему жива та самая, наша *любимая* Москва.

Той Москвы сегодня осталось не так уж много, и задача этой группы *помогать сохранять её и показывать* тем, кто не застал лучших времен великого города. Присоединяйтесь⁵.

Эмоциональный труд — действия, направленные на возникновение и модификацию чувств в самом себе и в других — может состоять в создании аффекта через интенсификацию знаний о городе. Так, в интервью для данного исследования основатель и администратор группы «Москва — та!» указывает: «Вижу цель группы, чтобы люди узнавали свой город, чтобы корни знали откуда, зная корни, *начинаешь по-другому относиться к месту, в котором живешь, к людям вокруг*»⁶.

Также эмоциональный труд может состоять в знакомстве не только с фактологической информацией, но и с творческим осмыслением города. Так, «достоянием» группы, по выражению основателя, стали художественные снимки современного фотографа Артемия Ломова, несколько из них приведены в списке лучших публикаций сообщества⁷. Поддержку основателя получают аффективные репрезентации памяти — например, фотографии, не предоставляющие «исторически достоверных» деталей, но являющиеся частью чувственного нарратива (Илл. 1).

Правила «Москва — Моя» также можно охарактеризовать как эмоциональный нарратив, однако он относится к соблюдению правил, которые направлены на защиту авторских прав и авторского дискурса:

Если человек публикует, например, закат над Сити, то это фотография заката над Сити, а не повод начинать в тысячный раз унылые обсуждения бездарной градостроительной политики и плачь об утерянном.

⁵ Раздел «Описание» в «Москва — та» [<https://www.facebook.com/groups/moskva.ta/about/>]*, здесь и далее выделение мое.

⁶ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с администратором группы «Москва — та!»

⁷ В интервью «Афиша. Город» [<https://daily.afisha.ru/archive/gorod/entertainment/moskva-ta-gde-lyubovatsya-krasivymi-fotografiyami-goroda/>].

Илл. 1. Комментарий основателя группы «Москва — та!»

III. 1. Comment by the founder of “Moscow — the one”

Группа никакого отношения к градостроительному комплексу города Москвы не имеет и все Ваши негодования обращаются прежде всего **в адрес авторов** представленных работ. *Прошу уважать авторов*. Они точно не проектировали и не строили то, что у **Вас** может вызвать негатив!⁸

В описании группы «Москва — та!», напротив, фигура автора скорее отсутствует, но довольно подробно описан коллективный дискурс: «которая *нам* нравится <...>, которую *все мы* так сильно любили». В описании «Москва — та!» отсутствует и табу на политические высказывания в отличие от группы «Москва моя», где первое и второе правила налагают такое ограничение:

1. Я искренне прошу не использовать группу в качестве политической площадки.
2. То же самое касается социальных негодований и других аспектов, которые могут вызвать острые диспуты и споры⁹.

Эмоциональная работа администратора может выражаться в управлении конфликтогенной темой. Так, основатель группы

⁸ Группа «Москва моя», раздел «Правила группы от администраторов» [<https://www.facebook.com/groups/MoscowOld/about/>]*

⁹ Там же.

«Москва моя», профессиональный фотограф, провоцирует и канализирует энтузиазм участников (Илл. 2): публикуя фотографию, изображающую объекты заведомо «плохие», для части сообщества обладающие политическим значением (Крымский мост, зимняя декоративная иллюминация, Москва-Сити), он предлагает в качестве повода «жечь» в комментариях. Действительно, количество лайков, комментариев и репостов для данного сообщения значительно превышает средние значения по группе.

Илл. 2. Пост основателя группы «Москва моя»

Ill. 2. Post by the founder of "Moscow of mine"

Энтузиазм: действия администрации

Рассмотрим деятельность администраторов и модераторов¹⁰ как фигур, играющих важную роль в формировании цифрового энтузиазма. Действия администрации служат богатым источником информации о поведении гейткippers. Для данного исследования я ограничусь сравнением нескольких последних постов администрации. В Табл. 2 представлены характеристики трех последних (на момент анализа) публикаций у каждого из трех наиболее активных в последнее время администраторов и модераторов в обеих группах (всего на момент написания статьи в группе «Москва моя» 11 администраторов и модераторов, в группе «Москва — та!» — 5).

¹⁰ Для удобства далее будет использоваться общий термин «администрация» для обозначения администраторов и модераторов, поскольку их права в группе практически идентичны, и на первый план выходит, скорее, обозначение особой позиции под именем в группе.

Табл. 2. Характеристики публикаций наиболее активных администраторов групп

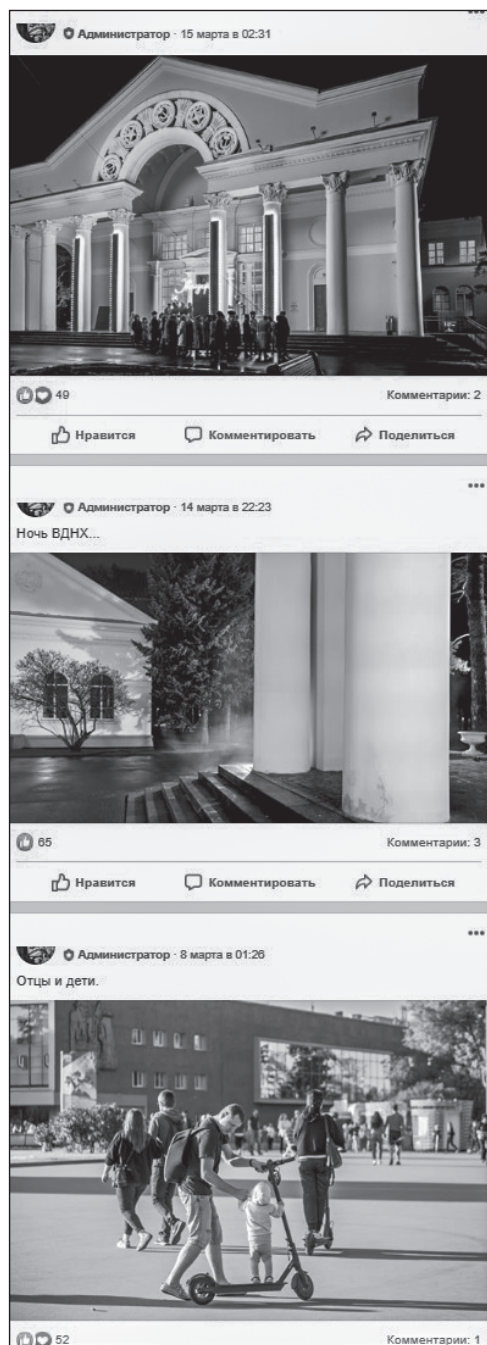
Tbl. 2. Characteristics of publications by the most active group administrators

	лайков к постам ад- министра- ции	лайков к постам основателя группы	лайков в среднем [среднее арифмети- ческое]	лайков в среднем [медиана]	коммента- риев к по- стам адми- нистрации	коммен- тариев в среднем [среднее арифмети- ческое]
«Москва моя»	71	55	65	31	7	3
«Москва — та!»	119	162	151	129	13	32

Посты администрации в группе «Москва моя» получают больше реакций, чем в среднем по сообществу (среднее арифметическое количество лайков в сообщениях администрации — 71, ср. с 65 лайками в среднем в данном сообществе и 31 по медианному значению в Табл. 1). Внимание, выраженное через количество комментариев под постом, также интенсивнее для сообщений администрации, чем в среднем (7 против 3). Хотя без дополнительного исследования нельзя говорить о направлении связи или причинности данного явления, его можно трактовать как некоторую «предпочтительность» постов администрации для участников группы. В то же время, посты основателя группы вызывают несколько меньший энтузиазм (о котором можно судить по количеству лайков), чем посты администраторов и модераторов этой группы в среднем.

Иначе обстоит дело с реакцией на посты администрации в группе «Москва — та!» (Им. 6-8). В отличие от группы «Москва моя», в группе «Москва — та!» случайно выбранные посты администрации набрали меньше лайков и комментариев по сравнению со средними значениями. Среднее арифметическое количество лайков к постам администрации — 119, ср. с 151 в среднем и 129 по медианному значению в Табл. 1. Среднее количество комментариев к постам администрации — 13 (ср. с 32). В то же время энтузиазм по поводу постов основателя группы «Москва — та!» (т. е. количество лайков к постам основателя), напротив, выше среднего — и в сравнении с группой в целом, и в сравнении с сообщениями других администраторов.

Таким образом, на посты администрации в группе «Москва моя» наблюдается более интенсивный отклик участников, чем в группе «Москва — та!», что может говорить о «повышенной квалификации» администраторов первой группы в удовлетворении [или формировании] ими интереса сообщества. В то же время заметна «успешность

Илл. 3. «Москва моя», основатель группы — примеры постов
 Ill. 3. "Moscow of mine", founder of the group — examples of posts

Илл. 4. «Москва моя», один из администраторов группы — примеры постов
 Ill. 4. "Moscow of mine", one of the group administrators — examples of posts

Илл. 5. «Москва — та!», основатель группы — примеры постов

Илл. 5. "Moscow — the one", founder of the group — examples of posts

Илл. 6. «Москва — та!», один из администраторов группы — примеры постов

Илл. 6. "Moscow — the one", one of the group administrators — examples of posts

контакта» основателя группы «Москва — та!» с участниками: число лайков к его постам выше среднего и выше, чем у администраторов группы. Рассмотренные посты основателя группы «Москва моя», напротив, встречены меньшим энтузиазмом, чем другие посты администраторов и чем сообщения в этой группе в среднем. Это может свидетельствовать о различных стилях лидерства в группах. В группе «Москва — та!» основатель выступает как эмоционально вовлеченный член сообщества, в то время как основатель «Москва моя» — прежде всего как поддерживающий платформу.

Энтузиазм участников

Основываясь на активности участников (лайках и комментариях), можно сказать, что уровень цифрового энтузиазма в «Москва — та!» выше, поскольку интенсивнее проявляются реакции на посты (Табл. 1): среднее число лайков и комментариев в этой группе больше.

Когнитивная схема, согласно Брауну и Хоскинсу, позволяет представить прошлое настоящему, иллюстрирует позицию, из которой рождается сознание о прошлом. Оцененная лайками активность в комментариях связана с различными когнитивными схемами — поиском соседей, конструированием воспоминаний о повседневности прошлого времени, поиском достоверных сведений, защитой или ниспровержением политических ценностей. Зачастую комментарии под сообщением затрагивают все эти домены одновременно — например, на такой комплексной теме, как коммунальные квартиры. Для авторов все реакции — как поддерживающие, так и ведущие к корректному спору, — могут представляться желательными:

В комментариях дают много новой для меня информации! И приятно встретить единомышленников, но, с другой стороны, и поспорить, если без троллизма и оскорблений. Вот сейчас в теме про автобусы сразу сколько людей заинтересовались¹¹.

Распри и обозначение принципиальных несогласий при обсуждении общественно-политических вопросов, набирающие значительное количество реакций, характерны для обеих площадок. Активно обсуждаются позиции и в темах «исторической справедливости», и в современных политических вопросах — например, о выборах в Московскую городскую Думу, о реновации и т. п. Поскольку в обоих сообществах дискуссии на политические темы вызывают энтузиазм и комментарии сторонников противоположных концов спектра, нельзя сказать, что группы тяготеют к различным политическим полюсам — нарратив относительно симметричен.

¹¹ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с участником группы «Москва — та!»

Табл. 3. Характеристики публикаций, получивших наибольшее количество лайков

Table 3. Characteristics of publications with the highest number of likes

Содержание поста	Лайков к посту	Лайков в группе в среднем	Лайков в группе среди медиана	Комментариев к посту	Комментариев в группе в среднем	Перепостов
«Москва — та!», пример 1	835	151	129	73	32	310
«Москва — та!», пример 2	829		129	43		64
«Москва — та!», пример 3	301		129	4		23
«Москва моя», пример 1	393	65	31	15	3	29
«Москва моя», пример 2	392		31	65		78
«Москва моя», пример 3	969		31	11		139

Выше в разделе «Энтузиазм: действия администрации» сравнивались посты от администраторов и модераторов групп. Рассмотрим теперь сообщения, вызвавшие наибольший отклик в сообществах. В *Табл. 3* представлены характеристики трех получивших наибольшее число реакций за выбранный период (февраль–март 2020) постов.

В группе «Москва — та!» в феврале 2020 года среди постов, получивших наибольшее количество лайков (в 2–6 раз больше медианного значения), были довольно разнородные сообщения. Среди них: (1) информационная справка о коммунальных квартирах в ГУМе, содержащая довольно длинный (440 слов) текст и дореволюционную фотографию, (2) картина, изображающая зимнюю Москву 1947 года и (3) фотография 1960-х годов с деревянным домом на улице Гиляровского, перепост из другого сообщества (*Илл. 7*). Таким образом, посты отсылают к различным эпохам московской истории, представляют различные жанры и критерии валидности сообщения. Все они написаны авторами с особым статусом в сообществах: (1) и (2) — экспертом по визуальному контенту (в определении Facebook* это означает, что автор «регулярно делится изображениями или видео, которые люди считают заслуживающими внимания»), (3) — инициатором дискуссий («регулярно размещает публикации, помогающие завязать содержательные дискуссии»). Два поста из трех (1 и 2) вызвали также оживленную дискуссию в комментариях: в первом случае дискуссия касается в основном опыта жизни в коммунальных квартирах, во втором — изменения облика Москвы (одно из популярных направлений комментариев).

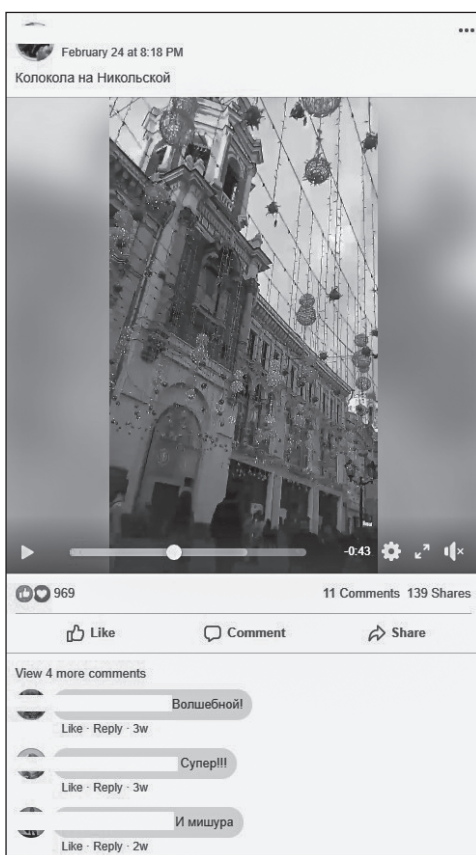
В группе «Москва моя» наиболее популярные публикации по числу лайков кардинально отличаются от медианных значений, превышая их в 13–30 раз. Только один пост из трех создан автором с особым статусом инициатора дискуссий. Все три сообщения относятся к актуальному времени, жанр можно охарактеризовать как документальная непрофессиональная съемка. Одно из сообщений вызвало активное обсуждение в комментариях, однако в репликах в основном выражалось недоумение по поводу необычных места и времени празднования Масленицы. Два других поста представляют московские православные храмы, комментируются мало (хотя и в разы больше, чем в среднем в данной группе), а содержание комментариев скорее не дискуссионное, а поддерживающее («супер», «красота» и т. п.).

Эту тенденцию к неконфликтному обсуждению повседневной жизни в группе «Москва моя» отмечает и информант в интервью: «Со временем “[Москва] Моя” перешла на современную жизнь города и стала такой глобальной общалкой для контингента 40+ (даже 50+) о жизни в городе»¹².

¹² Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с участником групп «Москва моя» и «Москва — та!»

Илл. 7. «Москва — та!»: один из трех наиболее популярных постов
 Ill. 7. “Moscow — the one”: one of the three most popular posts

Илл. 8. «Москва моя»: один из трех наиболее популярных постов
 Ill. 8. “Moscow of mine”: one of the three most popular posts

В группе «Москва моя» можно обнаружить действия, направленные не только на повышение уровня энтузиазма, но и на его ограничение. Так, проявления энтузиазма по популярной теме — (например, Зарядье, Остров Мечты), — не маркированной администраторами в качестве имеющей эстетическую или историографическую ценность, запрещены специальным сообщением основателя. Таким образом в сообществе вырабатывается понятие приемлемого наследия — того, которое не вызывает излишнюю страстность комментаторов:

Когда-то я заявил временный запрет на публикации о парке Зарядье. Это было весьма эффективным шагом для того, чтобы *страсти улеглись*. Сегодня я так же вынужден поступить в отношении Парка Чудес, или как это там называется. Объект не имеет ни архитектурной, ни исторической ценности, а посему пока все публикации на эту тему «что понастроили и почему дорого» будут удаляться. Если объект попадет, по мнению админи-

страции, в интересный контент с точки зрения фотографии, комментарии под ней будут закрыты¹³.

Приемлемое наследие не определено — указано лишь, что объект должен иметь архитектурную или историческую ценность. При этом наследие обозначено в форме «утверждения своего первенства и превосходства, прославления того, что есть наше и что исключает других» [Бауман 2019: 65].

Ограничение энтузиазма, связанного с политическими вопросами, может быть и вариантом самоцензуры, в отдельных случаях играющей роль коллективного действия:

Когда та [«Москва моя»] группа образовалась, эту [«Москва — та!»] покинуло около полутора тысяч из восьми, не жалко было) предположу, что много ушло просто «политику не хаваем». Ну и, так как здесь вектор какой-то был публично обозначен, комментариев и постов меньше стало с советским детством¹⁴...

Образы прошлого

Образ прошлого, его определенных периодов и аспектов — наследие, конструируемое членами сообщества. Образы общего прошлого, вплоть до буквального «общего языка» в топонимах, могут играть конституирующую роль в формировании сообщества (например, *Им. 9*).

Галина, создавайте, а мы к вам подтянемся. А то я вступила в группу Чистопрудье и там люди стали автору говорить что зря она сама придумала это название. И я стала возмущаться, зачем писать такие названия, которых не было никогда... А другие люди стали ее защищать и я вышла из этой группы...там какие то странные люди ... Мрак вообще...

Им. 9. Комментарий в группе «Москва — та!»

Ill. 9. Comment in "Moscow — the one" group

Ответы о наиболее привлекательных темах в постах групп не позволяют выстроить общей картины образа прошлого — интересы участников различны. При этом информанты весьма точно описывают, что именно им любопытно:

Интересны свежие взгляды на город, не открыточные места (тихие дворики, «неотмытые» старые дома и все в таком роде) — там, где ежедневная обыденная жизнь местных жителей проходит, а не туристические точки¹⁵.

¹³ Пост основателя группы «Москва моя» 04.03.2020

¹⁴ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с администратором группы «Москва — та!»

¹⁵ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с участником групп «Москва моя» и «Москва — та!»

Интереснее всего посты *о 60х — 80х гг.*, т. е. о том, что я реально запомнил из Советского периода истории Москвы. «...» Если есть что-то о московском транспорте — беру [публикую] в первую очередь: обожаю ретротехнику, это у меня главное хобби!¹⁶

Интересны *частные истории из 70-х годов*. [А почему вам интересны частные истории из 70-х годов?] За искренность, наивность, простую честность. Москва слезам не верит, в общем!¹⁷

Конструирование образа наследия происходит, по-видимому, не в форме осознанных и прямо обозначенных общих интересов, а в построении публичного нарратива непосредственно в контенте поста о том или ином месте, событии. Данный процесс относится к эмоциональной работе участников сообщества — авторов, опубликовавших текст и изображение, комментаторов и других участников, проявивших себя в реакции (лайке) — по построению нарратива, конструированию дискурса. Наследие здесь соответствует его баумановскому пониманию как «прославлению того, что есть наше и что исключает других» [Бауман 2019: 65].

Ниже сопоставлены два различных варианта политической интенсивности нарратива: с одной стороны, политически напряженный пост с фотографией похорон Сталина и, с другой стороны, политически нейтральный — об удаленном от центра города районе Парковых улиц.

«Политически окрашенная» тема: смерть Сталина

В качестве универсальной, понятной широкой аудитории политически окрашенной темы выбрана смерть Сталина. В обоих сообществах обнаруживаем одну и ту же фотографию публики на Красной площади во время похорон Сталина¹⁸; фотография публикуется без указания автора и источника. В обеих группах число комментариев — выше среднего, а лайков — ниже среднего.

Комментарии можно разделить на 2 группы. Во-первых, о вине Сталина в репрессиях. Во-вторых, о давке в толпе в городе во время похорон; приводятся свидетельства очевидцев. В обеих группах видим и обращение к современности в комментариях «Умер тот — умрет и этот», причем в «Москва — та!» такой комментарий оставлен администратором группы (и набрал 16 лайков), в то время как в «Москва моя» — обычным участником (2 лайка).

¹⁶ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с участником группы «Москва — та!»

¹⁷ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с модератором группы «Москва — та!»

¹⁸ В группе «Москва — та!» от 02.07.2019 [<https://www.facebook.com/groups/moskva.ta/permalink/1461904407284697/>]*, в группе «Москва моя» от 22.11.2017 [<https://www.facebook.com/groups/MoscowOld/permalink/817908501722367/>]*. Сопоставление постов с одной и той же фотографией, безусловно, не является единственным вариантом анализа, однако я исхожу из того, что фотография в данном случае приоритетнее сопроводительного текста (в первом случае «Сталин умер — кто-то плакал, кто-то радовался. Похороны вождя на Красной площади 1953 г.», во втором — «Сталин умер»).

Реакции на пост о смерти Сталина в обеих группах схожи. Число комментариев выше среднего, возможно, это говорит о значимости темы для некоторых участников и их готовности обсуждать заведомо «политизированную» тему. Энтузиазм в комментариях под фотографией не осуждается и не запрещается администрацией — по-видимому, из-за относительно низкой интенсивности. В то же время выбранные посты в обоих случаях лайкнули на треть меньше, чем «средний пост», что может свидетельствовать о маркировке этой темы как своего рода табу для других участников.

«Политически нейтральная» тема: Парковые улицы

Рассмотрим сообщения о районе Москвы, обладающем довольно выраженной идентичностью и популярностью (многие комментаторы отмечают, что знают и/или помнят район), однако скорее не связанном с политическими событиями и темами — Парковые улицы района Измайлово. В целом, упоминания этого района в обеих группах схожи: публикуются фотографии трамвая, идущего среди деревьев, обсуждаются дома, «построенные военными немцами», участники делятся воспоминаниями о проживании или работе в этих местах. В обеих группах можно найти несколько постов о районе Парковых улиц, для анализа выбраны сообщения одного и того же автора с идентичными фотографиями и текстом: «Мы с тобой — одной крови. Ты и я...» Вселенная Парковых»¹⁹.

Интенсивность реакций на данное сообщение — как число лайков, так и комментариев, — в обеих группах выше среднего. В группе «Москва — та!» 6 комментаторов указали текстом и фотографиями, что жили или работали в районе Парковых улиц, в группе «Москва моя» такой комментарий лишь один. В обеих группах интересуются годом постройки здания. В целом, реакцию на данный пост в обеих группах, так же, как и на пост о похоронах Сталина, можно обозначить как идентичную.

ЭКОЛОГИЯ МЕДИА, РАЗГРАНИЧЕНИЕ АРЕАЛОВ: PASTVU.COM КАК ДРУГАЯ РЕТРО-ПОПУЛЯЦИЯ

На этапе планирования работы была поставлена задача проследить специфику проникновения в социальные сети фотографий с ориентированной на ретро (подпись возле логотипа сайта — «Retro View of Mankind's Habitat») платформы Pastvu.com. В ходе полевого исследования оказалось, однако, что на многих площадках существует запрет либо ограничение (например, указанное в правилах)

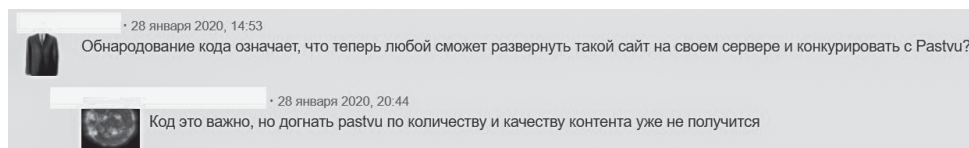
¹⁹ В группе «Москва — та!»: [https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2788453001232297&set=gm.1715163865292082&type=3&theater&ifg=1]*; в группе «Москва моя»: [https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2789582204452710&set=gm.1415960978583780&type=3&theater&ifg=1]*

на использование материалов Pastvu.com. В данном разделе описана специфика Pastvu.com как представителя такой медиасреды, которая так же, как рассмотренные выше Facebook-группы*, позволяет оперировать образами города и формировать сообщество на данной основе.

Pastvu.com — пример нового подхода к ретро-образам города, развивающийся во многом исходя из технологических возможностей и ограничений. Создатели представляют его как «проект уникальный», поскольку «никто еще не делал подобного в глобальных масштабах», поэтому «нельзя было просто взять какое-то готовое решение на рынке и кастомизировать его под наши нужды»²⁰.

Хоскинс утверждает, что технологические инновации меняют взаимоотношения в медиасреде, потенциально оказывая влияние на «экологию» в целом [Hoskins, Shchelin 2018]. Один из информантов указывает, что считает Pastvu.com ресурсом, обусловившим появление групп «Москва — та!» и «Москва моя»: «Насколько я поняла, изначально обе группы шли одним путем: размещение ретрофото, благодаря ресурсу паствью хлынувшим на просторы интернета, воспоминания, сравнение было-стало»²¹.

К настоящему времени Pastvu.com стал настолько «крупным и опытным представителем» вида мнемонического медиа, что даже копирование его технологического пути (использование открытого, с недавнего времени, кода) не считается угрозой его уникальности (Илл. 10).

Илл. 10. Комментарии к новостям проекта Pastvu.com²²

III. 10. Comments on Pastvu.com project news

Сообщества «Москва — та!» и «Москва моя» артикулируют нежелательность использования контента Pastvu.com. В первой группе это указано в правилах: «Также постарайтесь избегать публикаций фотографий с сайта www.pastvu.com»²³. Основатель второй описывает свою позицию в комментариях: «Pastvu размещает все снимки подряд без указания авторства... И наплевав на права... Эта фотография не с pastvu... Это из коллекции американского фотографа»²⁴.

²⁰ Новости проекта 28.01.2020 [<https://pastvu.com/news/149>]

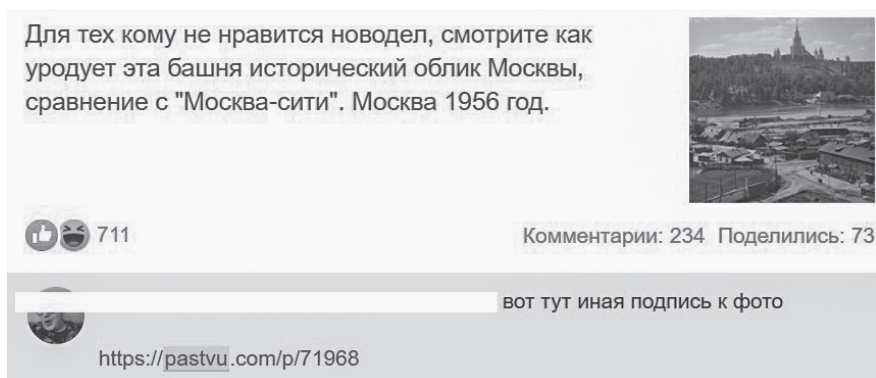
²¹ Интервью [переписка в Facebook-мессенджере]* с участником групп «Москва моя» и «Москва — та!»

²² Новости проекта 28.01.2020 [<https://pastvu.com/news/149>]

²³ Группа «Москва моя», раздел «Правила группы от администраторов» [<https://www.facebook.com/groups/MoscowOld/about/>]*

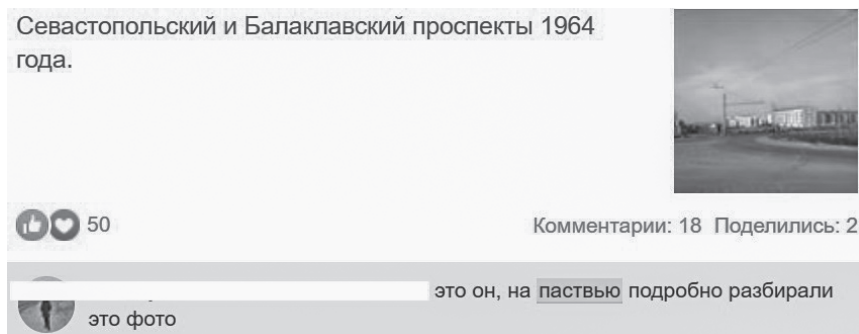
²⁴ Комментарий Олега Пучкова, основателя и администратора сообщества «Москва моя» <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1119705224708764&set=gm.496648283848392&type=3&theater&ifg=1>*

При этом в группах ссылаются на Pastvu.com как на авторитетный источник в целях подтверждения места или другой фактологической информации (Илл. 11, 12), упоминают о значимости дискуссий, происходящих на Pastvu.com (Илл. 13).

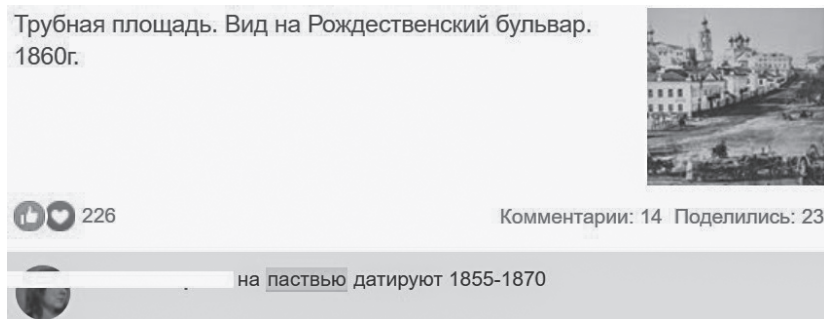
Илл. 11. «Москва моя», упоминание Pastvu.com, пример 1

Ill. 11. "Moscow of mine", mention of Pastvu.com, example 1

Илл. 12. «Москва — та!», упоминание Pastvu.com, пример 1

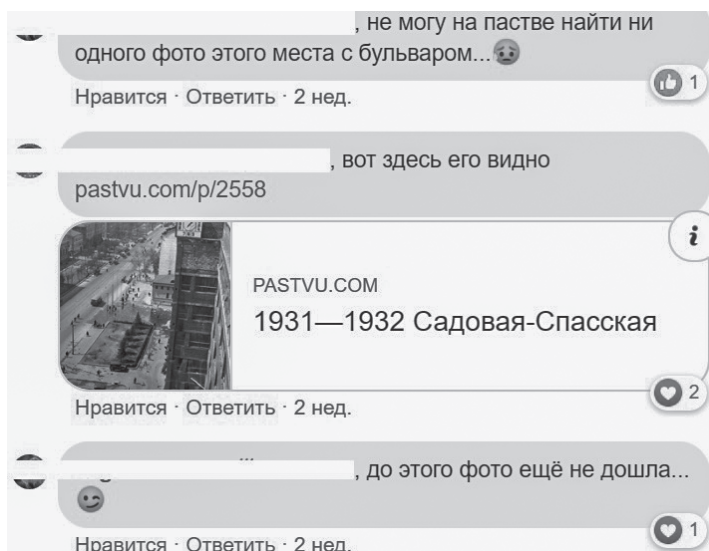
Ill. 12. "Moscow — the one", mention of Pastvu.com, example 1

Илл. 13. «Москва — та!», упоминание Pastvu.com, пример 2

Ill. 13. "Moscow — the one", mention of Pastvu.com, example 2

Посещение Pastvu.com, знакомство с фотографиями и обсуждениями на данной площадке считается естественным поведением любителя московского прошлого — это упоминается как само собой разумеющееся (Илл. 14).

Илл. 14. «Москва моя», упоминание Pastvu.com, пример 2
 Ill. 14. “Moscow of mine”, mention of Pastvu.com, example 2

При этом использование фотографий с Pastvu.com как основного контента не приветствуется и подвергается самоцензуре. Так, один из участников «Москва — та!» пишет: «Только фото №1 взято с Pastvu (вообще, постить фото с этого ресурса — не в моих правилах)».

Ответы информантов на вопрос о причинах ограничений на публикацию фотографий с Pastvu.com в Facebook-группе* можно охарактеризовать как проводящие ценность «биоразнообразия»: важно, чтобы каждый ресурс обладал уникальным контентом, был неповторимым видом. Ограничение объясняется логикой разграничения дружественных платформ:

...там [на pastvu.com] и так посмотреть можно, так что незачем оттуда постить сюда <...> против паст вью и его создателей я ничего не имею, даже наоборот. Больше ресурсов хороших и разных²⁵.

Паствью-отличный источник ретрофото, с огромным ресурсом. И мне кажется уместным давать фото оттуда, сопрягая его с личной историей или какими-то интересными, редкими фактами. А использовать чужие фото для поднятия собственной позиции (смотрите, что я нашел, ставьте мне лайки) не очень правильно. Самое обидное, что такие фото до сих пор пользуются любовью множества участников. Хотя каждый из них может с

²⁵ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с администратором группы «Москва — та!»

тем же успехом зайти на паствью и увидеть самостоятельно то, что интересно²⁶.

В правилах Pastvu.com, в свою очередь, перечислено довольно много ограничений, накладываемых на публикуемые изображения. В отличие от правил Facebook-сообществ*, ограничения не касаются соотношения публикуемого содержания с другими медиа. В то же время, требования к публикуемым изображениям более строгие:

Нас интересуют изображения, отражающие историю места и общества за исключением:

- ...
 1. Семейные фотографии, портреты людей и животных без понятной атрибуции к месту съемки (исключение могут составлять жанровые сцены передающие дух времени)
 2. Фотографий, снятых после 2000-го года, и других изображений, созданных после 1980 года;

...

3. Изображений музейных и выставочных экспонатов (картин, скульптур, макетов, станков, инженерных систем, механизмов, авто- и мототехники и тому подобных объектов);

Снимки, на которых лица изображённых персон размыты, “вырезаны”, заменены на овалы или каким-либо иным способом “зафотошоплены”, будут считаться намеренно испорченными и не заслуживающими публикации на сайте. Если пользователь не хочет показывать своё лицо, лица своих родственников или знакомых — пусть воздержится от публикации таких снимков²⁷.

Эмоциональный нарратив, в котором, как в случае «Москва — та!» и «Москва моя», упоминались бы ощущения участников, отсутствует в правилах Pastvu.com. Во многих описаниях Pastvu.com позиционируется не только как сообщество, но и как организация, архив:

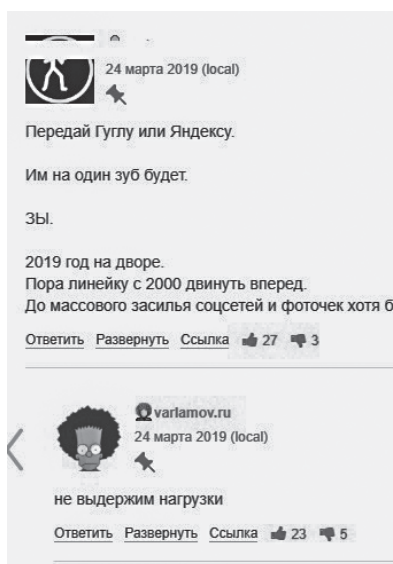
я решил как-то систематизировать свой личный архив старых фотографий Москвы. Тогда и возникла идея сделать отдельный сайт «...» Сегодня это самое большое и удобное собрание архивных фотографий Москвы и Санкт-Петербурга в мире²⁸.

Технические ограничения сайта Pastvu.com определяют временные границы памятных материалов: в случае, если платформа будет позволять загружать фотографии, сделанные после 2000 года, функционировать в обычном режиме она не сможет (Илл. 15).

²⁶ Интервью (переписка в Facebook-мессенджере*) с участником групп «Москва моя» и «Москва — та!»

²⁷ Правила Pastvu.com [<https://pastvu.com/rules>]

²⁸ Описание проекта для сбора средств на Planeta.ru, запущено 04.10.2013 [<https://planeta.ru/campaigns/1694>]

Илл. 15. Комментарии в блоге идеолога Pastvu.com²⁹

Ill. 15. Comments in the blog of the ideologist of Pastvu.com

По-видимому, Pastvu.com можно охарактеризовать как сообщество, организованное в меньшей степени с помощью эмоциональной работы и в большей степени — вокруг уникальной технологии.

Выводы

В работе используется два подхода: во-первых, экологии памяти как медиатизированных репрезентаций памяти и, во-вторых, этнографии виртуальных сообществ.

Проведен анализ различных параметров Facebook-групп* «Москва — та!» и «Москва моя»: самоописания в информации о группе и интервью; анализ постов, комментариев; сравнивается характер эмоциональной работы в группах. Рассматриваются количественные показатели деятельности групп, связанные с цифровым энтузиазмом, результатом эмоциональной работы неоплени, выполняемой как администраторами, так и рядовыми участниками сообществ. Реакции сообществ на идентичные стимулы (одни и те же фотографии похорон Сталина и Парковых улиц размещены в обеих группах) схожи. Реакция на публикацию о похоронах Сталина менее интенсивна в обеих группах (число лайков к посту — ниже среднего), чем на публикацию о Парковых. Это может быть связано как с датой публикаций (мартовские

²⁹ Комментарии к посту в честь 10-летнего юбилея платформы [https://varlamov.ru/3364213.html]

выходные в РФ), так и с ориентацией аудитории обеих групп в большей степени на городские темы, связанные с определенными местами.

Рассматривая паттерны формирования цифрового энтузиазма, можно говорить о различиях. Различаются посылы эмоциональной работы фигур власти в сообществах — позиционирование и тексты правил, реакции на случаи повышенного энтузиазма в обсуждениях. В то время как эмоциональная работа основателя «Москва моя» состоит в апеллировании к правилам, модерации политически «опасных» тем и направлена на поддержку авторского права, в группе «Москва — та!» перманентную поддержку получает коллективный дискурс племени в целом. Реакции группы «Москва — та!» на стимулы, исходящие от рядовых участников, интенсивнее, чем в группе «Москва моя». Так, в «Москва — та!» посты администраторов и модераторов получают поддержку ниже среднего. В то же время, действия создателя «Москва — та!» группа встречает с повышенным энтузиазмом — число лайков к его постам выше среднего по группе. Фигуры, задающие правила, играют, вероятно, более значимую роль в группе «Москва моя», где посты администрации (но не создателя) имеют больше лайков, чем в среднем.

Процессы формирования наследия и памяти обладают своей спецификой для каждой площадки. В соответствии с теорией экологии памяти [Brown, Hoskins 2010], различные натяжения и изменения семиотической среды ведут к различиям в понимании релевантности контента и реакциям на него. В группе «Москва — та!» наиболее популярные (по лайкам) посты отличаются и интенсивной дискуссией в комментариях, в то время как в «Москва моя» комментариев под популярными постами почти нет. В «Москва — та!» тремя наиболее популярными в рассматриваемом периоде оказались сообщения о советском прошлом (1950–1970-е годы), в «Москва моя» — фотографии храмов и праздника в центре города. Политически окрашенные дискуссии не считаются нежелательным поведением в «Москва — та!», что является, вероятно, одной из конституирующих данное сообщество черт.

Медийная экология касается, с одной стороны, образов, формируемых медиасредой, и, с другой, образа устройства самой медиасреды у пользователей. Для выявления некоторых черт образа устройства медиасреды, связанной с городским прошлым, проанализирован «представитель другого вида» — платформа Pastvu.com. С ним сверяются в целях повышения достоверности, но использовать его контент для повышения уровня цифрового энтузиазма в Facebook-группах* считается скорее неприемлемым.

Ограничения и возможные направления развития данного исследования связаны с проблемой «синекдохичности» понимания наследия [Lowenthal 1998], которая заложена и в приведенном анализе. Концепция медийной экологии позволила описать среду экологии памяти для выбранных групп. В то же время, отсутствует база для сравнения со средой, в которой не ощущалось бы влияние ретротопии — вероятно,

продуктивным может оказаться сопоставление с сообществами, ориентированными на «противоположную» ретро ценность развития новых мест в городе. Растет число работ в области исследований памяти, которые предлагают сместить акцент с репрезентаций прошлого на образы воображаемого будущего. То, как будущего боятся, ждут его или представляют себе, может определять *modus operandi* памяти, т. е. то, как прошлое вспоминают и интерпретируют [Hoskins 2016].

Литература

- Амин, Э., Трифт, Н., Николаев, В. (Пер.). (2017). *Города: Переосмысляя городское*. Нижний Новгород: Красная ласточка.
- Ассман, А. (2019). *Забвение истории – одержимость историей*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бауман, З., Оберемко, О. А. (Ред.), Силаева, В. Л. (Пер.). (2019). *Ретротопия*. М.: ВЦИОМ.
- Ипатова, А. (2018). Этнографическое интервью: Комментарии полевого интервьюера к научной пьесе о тете Веле, Наде и Лене. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16(10), 50–59.
- Лефевр, А. (2017). *Производство пространства*. Litres.
- Олик, Д., Хлевнюк, Д. (Пер.). (2012). Фигурации памяти: Процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, 11(1), 40–74.
- Радаев, В. В. (2005). *Экономическая социология*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Рудь, Д. С. (2019). Конструирование локальной памяти о городском пространстве: Анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11(18), 34–54.
- Симонова, О. А. (2012). Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд. В П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (Ред.). *Антропология профессий: Границы занятости в эпоху нестабильности*, 75–96. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
- Фэркло, Н. (2009). Дialeктика дискурса. Современный дискурс-анализ: Методология: концептуальные обоснования [Электронный журнал], 1(1). Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org>
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London: Psychology Press.
- Birkner, T., Donk, A. (2020). Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*, 13(4), 367–383.
- Brown, S. D., Hoskins, A. (2010). Terrorism in the new memory ecology: Mediating and remembering the 2005 London Bombings. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2(2), 87–107.
- Crang, M. (2010). Cyberspace as the New Public Domain. In C. Kihato, M. Massoumi, B. Ruble, P. Subirós, A. Garland. *Urban Diversity: Space, Culture and Inclusive Pluralism in Cities Worldwide*, 327–363. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Crawford, G. (2011). *Video Gamers*. London and New York: Routledge.
- Dosono, B., Semaan, B. (2019). Moderation Practices as Emotional Labor in Sustaining Online Communities: The Case of AAPI Identity Work on Reddit. In S. Brewster, G. Fitzpatrick (Eds.). *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems – CHI '19*, 1–13.
- Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London: E. Arnold.
- Gerbaudo, P. (2016). Rousing the Facebook Crowd: Digital Enthusiasm and Emotional Contagion in the 2011 Protests in Egypt and Spain. *International Journal of Communication*, 10, 254–273.
- Gustafsson, N., Weinryb, N. (2019). The populist allure of social media activism: Individualized charismatic authority. *Organization*, 27(3), 431–440.

- Hajek, A., Lohmeier, C., Pentzold, C. (Eds.). (2016). *Memory in a Mediated World: Remembrance and Reconstruction*. Palgrave Macmillan UK.
- Harvey, D. C. (2001). Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 7(4), 319–338.
- Hochschild, A. R. (1979). Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*, 85(3), 551–575.
- Hoskins, A. (2011). Media, memory, metaphor: Remembering and the connective turn. *Parallax*, 17(4), 19–31.
- Hoskins, A. (2016). Memory ecologies. *Memory Studies*, 9(3), 348–357.
- Hoskins, A. (2017). Digital media and the precarity of memory. In M. L. Meade, C. B. Harris, P. Van Bergen, J. Sutton, A. J. Barnier (Eds.). *Collaborative Remembering: Theories, Research, and Applications*, 371–385. Oxford: Oxford University Press.
- Hoskins, A., O'Loughlin, B. (2015). Arrested war: The third phase of mediatization. *Information. Communication & Society*, 18(11), 1320–1338.
- Hoskins, A., Shchelin, P. (2018). Information war in the Russian media ecology: The case of the Panama Papers. *Continuum*, 32(2), 250–266.
- Lowenthal, D. (1998). *The Heritage Crusade and the Spoils of History* (New York). Cambridge: Cambridge University Press.
- Luhmann, N. (2000). *The Reality of the Mass Media*. Stanford: Stanford University Press.
- Merrin, W. (2014). *Media Studies 2.0*. London and New York: Routledge.
- Olick, J. K. (2007). *The politics of regret: On collective memory and historical responsibility*. London and New York: Routledge.
- Reichel, P. (1999). *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Strauss, A. L. (1968). *The american city. A Sourcebook of Urban Imagery*. London and New York: Routledge.
- Taylor, C. (2004). *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press.
- Young, J. E. (2016). The memorial's arc: Between Berlin's Denkmal and New York City's 9/11 Memorial. *Memory Studies*, 9(3), 325–331.

References

- Amin, E., Thrift, N., Nikolaev, V. (Trans.). (2017). *Cities: Reimagining the Urban*. Nizhnii Novgorod: Krasnaia lastochka. (In Russian).
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Assman, A. (2019). *Amnesia of History – Obsession with History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Bauman, Z. (1992). *Intimations of Postmodernity*. London: Psychology Press.
- Bauman, Z., Oberemko, O. A. (Ed.), Silaeva, V. L. (Transl.). (2019). *Retrotopia*. Moscow: VCIOM (Russian Public Opinion Research Center). (In Russian).
- Birkner, T., Donk, A. (2020). Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*, 13(4), 367–383.
- Brown, S. D., Hoskins, A. (2010). Terrorism in the new memory ecology: Mediating and remembering the 2005 London Bombings. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2(2), 87–107.
- Crang, M. (2010). Cyberspace as the New Public Domain. In C. Kihato, M. Massoumi, B. Ruble, P. Subirós, A. Garland. *Urban Diversity: Space, Culture and Inclusive Pluralism in Cities Worldwide*, 327–363. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Crawford, G. (2011). *Video Gamers*. London and New York: Routledge.
- Dosono, B., Semaan, B. (2019). Moderation Practices as Emotional Labor in Sustaining Online Communities: The Case of AAPI Identity Work on Reddit. In S. Brewster, G. Fitzpatrick (Eds.). *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems – CHI '19*, 1–13.

- Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London: E. Arnold.
- Fairclough, N. (2009). The Dialectics of Discourse. *Modern Discourse Analysis: Methodology and Conceptual Foundations [online magazine]*, 1(1). Retrieved from <http://www.discourseanalysis.org> (In Russian).
- Gerbaudo, P. (2016). Rousing the Facebook Crowd: Digital Enthusiasm and Emotional Contagion in the 2011 Protests in Egypt and Spain. *International Journal of Communication*, 10, 254–273.
- Gustafsson, N., Weinryb, N. (2019). The populist allure of social media activism: Individualized charismatic authority. *Organization*, 27(3), 431–440.
- Hajek, A., Lohmeier, C., Pentzold, C. (Eds.). (2016). *Memory in a Mediated World: Remembrance and Reconstruction*. Palgrave Macmillan UK.
- Harvey, D. C. (2001). Heritage pasts and heritage presents: Temporality, meaning and the scope of heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 7(4), 319–338.
- Hochschild, A. R. (1979). Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*, 85(3), 551–575.
- Hoskins, A. (2011). Media, memory, metaphor: Remembering and the connective turn. *Parallax*, 17(4), 19–31.
- Hoskins, A. (2016). Memory ecologies. *Memory Studies*, 9(3), 348–357.
- Hoskins, A. (2017). Digital media and the precarity of memory. In M. L. Meade, C. B. Harris, P. Van Bergen, J. Sutton, A. J. Barnier (Eds.). *Collaborative Remembering: Theories, Research, and Applications*, 371–385. Oxford: Oxford University Press.
- Hoskins, A., O’Loughlin, B. (2015). Arrested war: The third phase of mediatization. *Information. Communication & Society*, 18(11), 1320–1338.
- Hoskins, A., Shchelin, P. (2018). Information war in the Russian media ecology: The case of the Panama Papers. *Continuum*, 32(2), 250–266.
- Ipatova, A. (2018). Ethnographic interview: Field interviewer’s comments on a scientific play about aunt Velya, Nadya, and Lena. *Interaction. Interview. Interpretation*, 16(10), 50–59. (In Russian).
- Lefebvre, H. (2017). *The Production of Space*. Litres. (In Russian).
- Lowenthal, D. (1998). *The Heritage Crusade and the Spoils of History (New York)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Luhmann, N. (2000). *The Reality of the Mass Media*. Stanford: Stanford University Press.
- Merrin, W. (2014). *Media Studies 2.0*. London and New York: Routledge.
- Olick, J. K. (2007). *The politics of regret: On collective memory and historical responsibility*. London and New York: Routledge.
- Olick, J., Khlevniuk, D. (Trans.). (2012). Figurations of memory: A process-relational methodology illustrated on the German case. *Russian Sociological Review*, 11(1), 40–74. (In Russian).
- Radaev, V. (2005). *Economic sociology*. Moscow: Izdatel’skii dom Vyshej shkoly jekonomiki. (In Russian).
- Reichel, P. (1999). *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die Nationalsozialistische Vergangenheit*. Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Rud, D. (2019). Constructing Local Memory about Urban Space: Analysis of Mnemonic Internet Messages about the Shabolovka District. *Interaction. Interview. Interpretation*, 11(18), 34–54. (In Russian).
- Simonova, O. (2012). The Concept of Emotional Labor by Arlie R. Hochschild. In P. Romanov, E. Yarskaia-Smirnova (Eds.). *Anthropology of Professions: Boundaries of Employment in the Age of Instability*, 75–96. Moscow: Variant, Centr social’noj politiki i gendernyh issledovanij. (In Russian).
- Strauss, A. L. (1968). *The american city. A Sourcebook of Urban Imagery*. London and New York: Routledge.
- Taylor, C. (2004). *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press.
- Young, J. E. (2016). The memorial’s arc: Between Berlin’s Denkmal and New York City’s 9/11 Memorial. *Memory Studies*, 9(3), 325–331.